

У аналізаваных перакладах сустракаюцца некаторыя стыльвыя неадпаведнасці. Напрыклад, празмерная стылістычная ўзнёсласць, павевы рускай архаікі гучаць у перакладным радку “Внемли вещему веденью” [2, 70] (у арыгінале: “Така воля неба! Слухай яе, княжа!”) [3, 219].

Адной з цэнтральных праблем перакладазнаўства з’яўляецца пераклад уласных імёнаў. Існуе некалькі прыёмаў, якімі карыстаецца перакладчык: уласныя імёны падвяргаюцца транскрыпцыі, могуць апускацца ўвогуле або замяняцца іншымі варыянтамі ў залежнасці ад тэкставай сітуацыі. Найбольш папулярным прыёмам бачыцца практыка транскрыпцыі. Перакладчыку важна перадаць нацыянальную адметнасць імені, пазбегнуць русіфікацыі, як гэта назіраецца ў перакладзе “Гапона”. Уласнае імя *Гапон* з’яўляецца размоўнай формай ад *Агафон*, што падаецца ў перакладзе без змен. Аднак, па невядомых прычынах гутарковае *Халімон* зменена на рускі адпаведнік *Філімон*, што бачыцца немэтазгодным, тым больш, што ў перакладзе вершаванай аповесці “Халімон на каранавы” уласнае імя *Халімон* перадаецца адпаведна арыгіналу. Аналагічныя прыёмы перакладу ўласных імёнаў выкарыстаны І.Бурсавым пры перакладзе “Вечарніц”, пры гэтым некаторыя імёны не трапляюць у створаны тэкст (*Луцэя, Малання, Прахор*) або замяняюцца іншымі. Напрыклад, назіраем замену канцавай рыфмастваральнай пары “*Хвядор – Рыгор*” на варыянт “*Митрофан – Степан*”.

Заклучэнне Вышэйзгаданыя прыклады перакладу вершаваных тэкстаў дазваляюць канстатаваць прыярытэт захавання асаблівасцей жанру і стылю над семантычнай дакладнасцю. Гэтаму падпарадкоўваюцца ўсе іншыя задачы, у прыватнасці моўныя.

Спіс літаратуры

1. Виноградов, В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы / В.С.Виноградов. – М.,1978. – 285 с.
2. Дунин–Марцінкевіч, В. Избранное / В. Дунин-Марцінкевіч / перевод с белорус. и польск. И. Бурсова и П. Кошеля. – Мн., 1991. – 367 с.
3. Дунин–Марцінкевіч, В. Творы / В. Дунин-Марцінкевіч. – Мн., 1984. – 527 с.
4. Рагойша, В.П. Проблемы перевода с близкородственных языков / В.П. Рагойша. - Мн., 1980. – 183 с.
5. Слоўнік асабовых уласных імён. - Мн., 2005. – 176 с.
6. Этнаграфія Беларусі. Энцыклапедыя. – Мн.,1989. – 575 с.

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ В РАССКАЗАХ

Л. АНДРЕЕВА «СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ» И М. ГОРЕЦКОГО «ДУРНЫ НАСТАЎНИК»

Л.Я. Глазман

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Проблема кризиса идентичности как нарушения некоей личностной целостности, духовного равновесия человека особенно актуализируется в литературе первых десятилетий XX века, что связано с обострением социально-политических, культурных противоречий, а прежде всего с теми переменами в мировоззрении человека, которые нашли многочисленное отражение в модернистском искусстве. Немаловажное место в этом контексте занимает конфликт личности с высшими силами, своеобразный бунт против мироустройства и общепринятых норм, что весьма ярко и последовательно подтверждают многие произведения Леонида Андреева в русской литературе и Максима Горьцкого – в белорусской. При этом большее внимание уделяется богоборческим мотивам в повестях и пьесах русского автора и в драме «*Антон*» (1914) М. Горьцкого, в то время как рассказы с подобной тематикой остаются до конца не изученными. *Актуальность* работы обусловлена как недостаточной исследованностью избранных художественных текстов и идентичности персонажей в них, так и необходимостью сопоставить специфику изображения кризисных явлений современниками, представителями двух близких культурно-литературных традиций. Цель работы – выявление особенностей кризиса идентичности в рассказах Л. Андреева и М. Горьцкого на сопоставительном уровне.

Материал и методы. Объектом исследования являются рассказы «*Сын человеческий*» (1909) Леонида Андреева и «*Дурны настаўнік*» (1921) Максима Горьцкого. Для анализа используются сравнительно-типологический, культурно-исторический методы.

Результаты и их обсуждение. Главный герой андреевского рассказа «*Сын человеческий*» – старенький поп Иван Богдавленский переживает несколько видимых, формальных этапов личностного кризиса, или, как это воспринимают окружающие, «вредного чудачества» [1]. Первое его проявление связано с подачей прошения о перемене фамилии с тайным умыслом требовать вместо нее заранее придуманный пятизначный номер. Следующей скандальной выходкой становится приоб-

речение граммофона, который не просто «совесть тревожит» [1], но может голосом заменить всех: попа, невинного младенца, да и самого Христа. Последней каплей явилось твердое намерение О. Ивана обречься и сменить веру. Такое построение сюжета можно представить как прохождение соответствующих стадий кризиса по мере утрачивания героем собственной идентичности, где смена фамилии означает собственную необязательность, т.е. отказ от собственной личности, психологический кризис, замена окружающих граммофоном свидетельствует о необязательности других (кризис социальный), а закон о разрешении менять веру связан с отказом от Бога. Происходит окончательная утрата самоидентичности, которая является результатом своеобразного протеста против пошатнувшихся традиционных ценностей, социального релятивизма. О. Иванов движет полусознательное желание встряхнуть общество, готовое идти во имя собственного спокойствия на компромисс с совестью, что роднит данное произведение с более ранним рассказом «Христиане» (1906). Такой протест отсылает к знаменитому парадоксу Андреева о «подлецы-благородной человеческой природе» [2, с. 135], согласно которому человеку необходимо погрузиться в самую грязь, чтобы очиститься от наносных благонамеренности и благородства, на деле граничащих с глупостью, лицемерием и неспособностью по-настоящему чувствовать. К этой мысли автор приходит во многих своих произведениях («Тьма» (1906), «Иуда Искариот» (1907), «Саука Жезулёв» (1911) и т.д.). Андреевским желанием вывести человека из мнимого равновесия и объясняется экспрессионистичность его повествования, насыщенность символами, постоянное нагнетание у читателя чувств тоски, тревоги и страха. Причем это нагнетание в рассказе, драматизм действия резко контрастирует с комическим фоном, который дает исследователям повод определять жанр произведения как «новелла-анекдот» [3, с. 114] и противопоставлять его трагическому пафосу повести «Жизнь Василия Фивейского» (1903). Однако на наш взгляд, пародия и гротескная, кричащая ирония автора зачастую не только не несут обличительного пафоса, а, скорее, еще более усиливают экспрессивность и драматичность ситуации, выполняя преимущественно стилистическую, формальную функцию. Характерно, что пародийный вначале бунт героя, перерастает впоследствии в личностный поиск: отказ от фамилии как неподходящего «знака» [] выливается в искательство некоего знака свыше.

Схожую направленность имеет рассказ М. Горьцкого «Дурны настаўнік», главный герой которого также восстает против установленного миропорядка и обретает некоторые черты юродства. Только в отличие от традиционного юродивого, бывший учитель Кубракович «ругается» не только миру, но и Богу. Когда-то уважаемый человек, Кубракович утрачивает свою идентичность, становясь полоумным нищим, местным шутком. Как и в рассказе «Сын человеческий», существенную роль в сумасшествии учителя играет благонамеренное общество, так же по доносу приезжают за Кубраковичем чиновники. Белорусский автор невольно изображает, какой финал ждет и андреевского героя: желтый дом или каторга. И учителя, и попа «дурным разумныя людзі зрабілі» [4, с. 253].

Заключение. Таким образом, рассказы, различающиеся национально-культурным контекстом и художественной спецификой созвучны по идейной направленности. В исследуемых произведениях нашло отражение модернистское осознание обоими писателями проблемы идентичности в условиях кризиса и переоценки традиционных ценностей. И Л. Андреев, и М. Горьцкий не оправдывают своих героев, часто с иронией рисуют их превосходство перед остальными. В то же время, бунт персонажей достаточно оправдан: они стоят на порядок выше других, так как способны увидеть и осознать абсурдность и глупое лицемерие этого мира. Кризис идентичности здесь обусловлен неспособностью найти способ сосуществования, выход из ситуации, что порождает как иронию, так и некоторое сожаление автора.

Список литературы

1. Андреев, Л. Сын человеческий [Электронный ресурс] / Л.Н. Андреев. – Режим доступа: http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/text_0422.shtml. – Дата доступа: 29.01.2014.
2. Горький и Леонид Андреев: неизданная переписка / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; под ред. И.С. Зильберштейн. – М.: Наука, 1965. – 630 с. – (Литературное наследство, т. 72).
3. Московкина, И. И. Между «про» и «contra»: координаты художественного мира Леонида Андреева: монография / И.И. Московкина. – Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2005. – 288 с.
4. Гарэцкі, М. Збор твораў. У 4-х т. / М. І. Гарэцкі. – Мінск: Маст. літ., 1984. – Т.1.: Апавяданні 1913 – 1930. – 446 с.